

КОНЕЦ ОПРИЧНИНЫ

У царя Ивана появились и новые важные причины для недовольства своими опричниками. Выше мы уже вспоминали слова Штадена о том, что царь «хотел искоренить неправду у правителей

и приказных страны. Он хотел устроить так, чтобы новые правители, которых он посадит, судили бы по судебникам, без дач и приносов». Однако в действительности новый порядок, долженствующий устранить злоупотребления в деятельности управлявших страной знатных вельмож и «приказных» людей, породил такие злоупотребления, которые значительно превзошли все то, что имело место в предшествующие годы. Следует сразу сказать, что ничего подобного царь от своих действий не ожидал, но все эти чудовишные злоупотребления явились неизбежным следствием избранной им политики.

О теневых, «неофициальных» сторонах опричного порядка мы узнаем по преимуществу из записок иностранцев — Таубе и Крузе и, особенно, Штадена, который в своих сочинениях с каким-то необъяснимым удовольствием описывал все негативные явления в жизни русского общества времен его пребывания в России.

Вскоре после учреждения опричнины, по словам Штадена, «великий князь послал в земщину приказ: судите праведно, наши виноваты не были бы» (последние слова в тексте Штадена написаны по-русски латинскими буквами). Таким образом, в случае возникновения споров между «земскими» и опричниками судьи должны были выносить решения в пользу последних.

В средневековом русском праве традиционным средством установления истины, если не было доказательств или свидетелей, служил судебный поединок: стороны выставляли своих бойцов, а Бог свидетельствовал истину, давая победу правой стороне. Однако с установлением опричнины «все бойцы земских признавались побитыми; живых их считали как бы мертвыми, а то и просто не допускали на поле». Земское население фактически было лишено правовой защиты, и это прямо толкало опричников на то, чтобы с помощью разных злоупотреблений захватывать имущество тех, кто принадлежал к земщине.

Одной из форм таких злоупотреблений было подбрасывание своих вещей в дома богатых людей в «земщине». Уличенные в совершенной «краже» ставились на правеж, пока не возместят стоимость украденного, а цену произвольно указывал якобы пострадавший опричник. Человек, которого до выплаты долга били палками, «должен был продавать за полцены и дом, и двор, и землю, и людей». Той же цели можно было добиться и более простым путем: «любой из опричных мог обвинить любого из земских в том, что этот должен будто бы некую сумму денег», и из обвиненного так же выколачивали деньги на правеже. Многие земские люди, пытаясь если не сохранить свое имущество, то хотя бы какое-то время пользоваться доходами с него, закладывались «вместе с вотчинами... за тех опричников, которых они знали, продавали им свои вотчины, думая, что этим они будут ограждены от других опричников», но чаще всего их знакомые, овла-

дев по заключенным сделкам их имуществом, прогоняли их прочь, заявляя, что закон запрещает им общаться с земскими.

Такого рода злоупотребления, как представляется, имели место там, где в границах одного крупного центра соседствовали опричные и земские владения. Таким, например, было положение в Москве и в Новгороде после разгрома 1570 года.

Злоупотребления имели место и там, где граничили между собой земские и опричные поместья. По установлениям Судебника 1550 года переход крестьян из одного имения в другое, от одного владельца к другому разрешался лишь в определенное время — в течение недели до и недели после «Юрьева дня осеннего» (26 ноября); уходивший крестьянин должен был рассчитаться с землевладельцем и выплатить ему «пожилое». Опричники не считались с этими нормами. «Кто не хотел добром переходить из земских под опричину, тех вывозили насилием и не по сроку», а их старые дворы сжигали. Эти сообщения Штадена находят подтверждение в документальных материалах, относящихся к Новгородской земле. Когда после взятия в опричину Бежецкой пятины здесь появились поместья опричной знати, опричники стали предпринимать настоящие вооруженные наезды на соседние земские территории, вывозя оттуда крестьян.

Важные царские поручения также использовались в своих интересах опричниками, ставшими на путь беззастенчивого и незаконного обогащения. После смерти Марии Темрюковны в 1570 году по стране разъехались царские посланцы собирать красивых девушек на смотрины для выбора царской невесты. И вот среди опричников, как рассказывает Штаден, нашлись многие предприимчивые люди, которые, изготовив подложные указы, отправились на русский север и «принялись переписывать по посадам... дочерей как богатых купцов, так и крестьян, будто бы великий князь требовал их на Москву. Если какой крестьянин или купец давал денег, дочь его выключалась из списка». Этим людей можно было бы признать безобидными жуликами по сравнению с теми, кто «сами составляли себе указы, будто бы великий князь указал убить того или другого из знати или купца, если только они думали, что у него есть деньги».

Когда царь с опричным войском стал предпринимать карательные походы против изменников, резко возросли возможности неограниченного обогащения с помощью насилия. Теперь не было уже нужды подделывать документы для оправдания грабежа и убийств. Яркие свидетельства того, как это происходило, обнаруживаются на страницах записок Штадена. Этот немец-опричник, участник похода на Новгород, был разочарован тем, что все захваченное в городе добро по приказу царя свозили в один из подгородных монастырей, где была поставлена охрана, чтоб «никто ничего не мог унести». Тогда предприимчивый опричник начал собирать «всякого рода слуг... и повел своих людей назад внутрь страны. Всякий раз, когда они заби-

рали кого-нибудь в полон, то расспрашивали, где — по монастырям, церквам или подворьям — можно было бы забрать денег и добра, особенно добрых коней. Если же взятый в плен добром не хотел отвечать, то они пытали его, пока он не признавался». «Когда я выехал с великим князем, — подытоживал Штаден результаты своих подвигов, — у меня была одна лошадь, вернулся же я с 49-ю, из них 22 были запряжены в сани, полные всякого добра».

Штаден отнюдь не один занимался подобным промыслом. В своем походе он встретил целую группу опричников, которые так ретиво грабили, что население стало вооружаться для защиты своего имущества. По свидетельству Штадена, сведения о таких столкновениях заставили его прервать столь удачно для него протекавший «поход».

Так в русском обществе складывалось представление об опричнине как о политике открытого грабежа и насилия. Когда в 20-х годах XVII века известный русский писатель князь Семен Иванович Шиховской, основываясь на рассказах людей старшего поколения, давал характеристику царствования Ивана IV, он написал об опричнине: «царь царство, порученное ему от Бога, раздели на две части: часть едину себе отдели... и заповеда своей части оную часть людей насилovati и смерти их предавати, и дома их напрасно потребляти». Устанавливая новый режим, царь, конечно, не преследовал подобной цели, но такое положение в стране действительно сложилось как закономерное (хотя и не предвиденное) следствие проводимой им политики.

Сложившееся положение активно использовали уголовные элементы, разбойники, количество которых в условиях разорения, вызванного моровым поветрием, голодом, непомерным ростом налогов и не в последнюю очередь насилиями опричников должно было заметно возрасти. «Многие рыскали шайками по стране, якобы из опричнины, убивали по большим дорогам всякого, кто им попадался навстречу, грабили многие города и посады, били насмерть людей и жгли дома. Захватили они много денег, которые везли к Москве из других городов». Грабежи и насилия опричников и тех, кто выдавал себя за опричников, приняли такой размах, что само поступление средств из периферии в столицу оказалось под угрозой.

Даже в то время среди земских людей находились смельчаки, решавшиеся подавать жалобы на беззакония опричников (не будь этих жалоб, о многом не знал бы, вероятно, и Штаден). В течение длительного времени «все жалобы... клались под сукно». Однако наступил момент, когда злоупотребления достигли таких размеров, что под угрозой оказалось сохранение элементарного порядка в стране. Для государства, находившегося в состоянии тяжелой войны с соседями, это было смертельной опасностью.

Царь в конце концов оказался перед необходимостью принятия

срочных мер для предотвращения беспорядка и анархии. «Он приказал подобрать все жалобы» и провести по ним расследование. Штаден записал, что, если бы не пожар Москвы в мае 1571 года, «земские получили бы много денег и добра» по своим жалобам на опричников. Очевидно, что расследование злоупотреблений началось еще в первой половине 1571 года. Опалы и казни «начальных людей» из опричнины в 1570—1571 годах, о которых шла речь выше, были, вероятно, определенным образом связаны и с результатами этих расследований. И выявившиеся размеры злоупотреблений, и то, что они совершались от имени власти, дискредитируя ее в глазах общества, — все это, думается, должно было произвести сильное впечатление на царя и вызвать у него сомнения в целесообразности сохранения того порядка, который привел к столь многим негативным последствиям для самой власти.

Исследователи отмечают и некоторые другие признаки, указывавшие на изменение отношения царя к своему детищу начиная с 1570 года. При создании опричнины царь демонстративно не включал в состав опричной Думы и опричного войска представителей наиболее знатных княжеских родов. При формировании опричного войска производилось специальное расследование, не связаны ли взятые в опричнину с этими князьями родственными или иными связями. С осени 1570 года положение заметно изменилось, и в составе Боярской думы появились представители целого ряда княжеских родов, принадлежавших к самой элите дворянского сословия. Некоторые из них были в прошлом приближенными Владимира Андреевича Старицкого (опричный боярин Петр Данилович Пронский был ранее его боярином, а другой опричный боярин, князь Андрей Петрович Хованский, родственник княгини Евфросинии, был его дворецким). Членами опричной Думы в 1571 году стали и некоторые «служилые князья» юго-западной Руси, последние полусамостоятельные «государи» в Русском государстве XVI века, — князь Федор Михайлович Трубецкой, правитель небольшого родового княжества вокруг города Трубчевска, и князь Никита Романович Одоевский, утративший с учреждением опричнины родовые вотчины в Лихвине (его сестра была женой Владимира Андреевича Старицкого и погибла вместе с мужем).

Некоторые из этих аристократов были ко времени учреждения опричнины молодыми людьми: так, Федор Михайлович Трубецкой и Никита Романович Одоевский в «Разрядных книгах» впервые упоминаются как участники похода на Полоцк в 1563 году. Они, очевидно, не успели ко времени установления опричнины вызвать недовольство царя, а позднее послушно выполняли его поручения, а возможно, дали и доказательства своей преданности. Любопытна, например, фигура князя Петра Даниловича Пронского — потомка рязанских князей, владельцев города Пронска. В 1558 году князь был

«в удел дан», то есть по приказу царя включен в состав двора князя Владимира Андреевича, очевидно, для присмотра за царским двоюродным братом. В 1565 году, уже после установления опричнины, он получил от царя боярский сан и занял пост главного лица в русских владениях в Ливонии — наместника Юрьева. В 1569 году царь поставил его наместником Новгорода, и он остался на этом посту и после отъезда царя из Новгорода зимой 1570 года. Так как все подчинявшиеся ему «приказные люди» были почти поголовно истреблены, а наместник остался на своем посту, то очевидно, что он и был тем человеком, который известил царя об измене новгородцев. В начале 1571 года князь Петр был принят в опричнину и получил в управление опричные владения в Новгородской земле.

Не всегда свидетельства верности своему государю столь выразительны, как в случае с князем Пронским, но, очевидно, они имели место — в противном случае царь не проявил бы к этим боярам своего расположения и не принял их в ряды своего опричного двора. Складывался тип новой служилой знати, готовой верно служить своему государю и заходить достаточно далеко в проявлениях своей верности. В этих условиях уже не было необходимости в целенаправленном подавлении знати.

К началу 1572 года у царя были налицо все основания для серьезных размышлений о судьбе опричного режима. Его отрицательные стороны (с точки зрения интересов самой власти) обрисовались со всей определенностью, а цель, ради которой этот режим был установлен, оказывалась в известной мере достигнутой.

В 1572 году страна жила в ожидании нового вражеского нашествия. Вызывающее поведение хана после пожара Москвы не оставляло сомнений в его намерениях. В ответ на мирные предложения царя он ответил, что уступка Астрахани его не удовлетворит, и требовал Казани. Впрочем, и в Москве уже решили не покупать мира уступками и готовились к войне. В грамоте, отправленной в Крым русскому послу Афанасию Нагому в начале весны 1572 года, царь сообщал о своих намерениях как можно скорее «поуправитца... с свейским и рати к лету прибавити» и всю ее направить на Оку. По берегу реки на большом протяжении устанавливали бревенчатый частокол, засыпанный землей: он должен был помешать татарской коннице прорваться во внутренние районы страны. На Оку направлялись все войска, которые удалось собрать. В апреле при участии царя в Коломне был проведен смотр войск. Впервые опричные и земские войска были объединены в одну армию: опричные и земские воеводы должны были служить вместе в одних полках. Во главе этой армии царь поставил князя Михаила Ивановича Воротынского.

Михаил Иванович Воротынский принадлежал к числу тех представителей русской знати, на которых неоднократно отражались перемены политики опричных лет. Правда, после того как в 1566 го-

ду царь вернул Воротынского из ссылки и отдал ему часть родовых вотчин, боярин больше не подвергался опале, но отношения его с царем продолжали оставаться сложными. Попавшие в руки царя письма Сигизмунда II и гетмана Ходкевича, в которых Воротынскому вместе с его пограничным княжеством предлагалось перейти на литовскую сторону, не привели к опале князя, но возбудили подозрительность царя. В 1568 году в главном городе Воротынского княжества — Одоеве — стояли по приказу царя воеводы «из опришчины», затем воеводы появились и в другом городе его княжества — Новосили, а в 1569 году царь снова отобрал у Михаила Ивановича его родовые владения, дав ему взамен земли в Стародубе Рязоловском, принадлежавшие ранее князю Владимиру Андреевичу. Положение князя казалось столь шатким, что, когда в связи со сменой владений Михаил Иванович Воротынский составил новое завещание, князь Иван Федорович Мстиславский и царский шурина Никита Романович, к которым он обратился, отказались быть душеприказчиками.

Очевидно, что о каких-либо взаимных симпатиях между боярином и царем вряд ли можно говорить, и лишь необходимость заставила Ивана IV передать Воротынскому командование армией. Конечно, определенное значение имело и то, что после смерти Ивана Дмитриевича Бельского и отсылки в Новгород Ивана Федоровича Мстиславского Михаил Иванович Воротынский оставался самым знатным среди русских военачальников, которому другие воеводы могли подчиниться без «поруки» для своей чести. Однако еще более важно было то, что войско знало Воротынского как одного из главных героев взятия Казани. Лишь подобный человек, «муж крепки и мужественной, в полкоустроениях зело искусны» (как отзывался о нем Курбский, сам известный военачальник), мог возглавить войско, которое должно было противостоять вражескому нашествию.

Два других важных дела занимали внимание царя после сожжения татарами Москвы: устройство своей семейной жизни и поиск надежного убежища на время татарского нашествия.

Выше уже говорилось о том, что в 1570 году по стране разъехались царские посланцы собрать девушек, из числа которых по уже заведенному обычаю царь мог выбрать себе невесту. Ни татарское нашествие, ни сожжение татарами Москвы не помешали этим хлопотам. Когда 26 июня 1571 года Таубе и Крузе посетили Александрову слободу, смотрины были в полном разгаре. С удивлением и интересом наблюдали немецкие дворяне за обычаями, неизвестными другим европейским странам. В Слободе было собрано 2000 девушек. Когда их приводили во дворец, царь «входил в комнату... кланялся им, говорил с ними немного, осматривал их и прощался с ними». Постепенно из числа девушек осталось лишь 24, затем — 12. Их, как отметили Таубе и Крузе, осматривали обнаженными, а «доктор (недавно посту-

пивший на царскую службу воспитанник Кембриджа Елисей Бомеллий. — Б.Ф.) должен был осмотреть их мочу в стакане». У будущей царицы не должно было быть ни каких-то телесных недостатков, ни болезней. Выбор царя остановился на дочери коломенского сына боярского Василия Собакина Марфе. 28 октября 1571 года он торжественно отпраздновал свою свадьбу. Однако все предосторожности оказались напрасными. По свидетельству самого царя, невеста серьезно заболела еще до свадьбы, царь, «положа на Бога упование, любо исцелее», все же вступил с ней в брак, но через две недели после свадьбы новая царица скончалась. Царь полагал, что сам дьявол «воздвиге ближних многих людей враждовати на царицу нашу, еще в девицах сушу... и тако ей отраву злую учиниша». В его распоряжении, таким образом, оказались новые доказательства того, что создание особого опричного двора вовсе не гарантирует безопасности царю и его семье.

О всех этих деликатных обстоятельствах мы узнаем из обращения царя к участникам созванного по его просьбе церковного собора. Созыв собора был вызван тем, что после смерти третьей жены царь оказался в трудном положении, особенно трудном для такого правителя, как Иван IV, который постоянно ссылался на свои глубокие знания церковных канонов и постоянно подчеркивал свою негибкую преданность православному учению вплоть до мельчайших деталей. Дело в том, что и церковное право, и пользовавшиеся таким же большим авторитетом установления православных царей, осуждая вступление христианина в третий брак и налагая на него за это наказания, категорически запрещали четвертый брак. Запрет этот был специально подтвержден церковным собором 920 года, созванным в связи с попыткой вступить в четвертый брак византийского императора Льва VI.

Прося о разрешении на новый брак, царь ссылался на то, что фактически он так и не вступил в брак со своей третьей женой («девства не разрешил»). 29 апреля 1572 года церковный собор позволил царю «ради его теплого умиления и покаяния» вступить в четвертый брак. На царя была наложена «епитимия»: в течение первого года ему не разрешалось входить в церковь (он мог быть допущен туда лишь на Пасху), во второй год разрешалось стоять в церкви с «припадающими» — грешниками, которые должны были выстаивать службу на коленях, и лишь на третий год он мог стоять в церкви вместе с верующими и на Пасху духовник мог допустить его к причастию. Однако все эти установления сопровождались важной оговоркой: «А пойдет государь против недругов за святыя Божия церкви, и ему, государю, епитимья разрешити». Так как царь постоянно совершал походы против соседних государств — врагов православной веры, у него открывались возможности для того, чтобы избавиться от установленных наказаний. Поступив так, участники собора, духовные иерархи и настоятели монастырей, проявили покорность царской воле. По на-

блюдениям знаменитого историка русской церкви митрополита Макария, царь, «хотя и подчинился было соборной епитимии, но только на самое короткое время». Отправившись вскоре в Новгород, он 31 мая в Хутынском монастыре слушал службу, стоя у дверей храма, но уже 7 августа спокойно присутствовал в Софийском соборе на благодарственном молебне по поводу победы над татарами. В последующие годы, вступая в новые браки, Иван IV (цитируем далее Макария) «все это делал без всякого разрешения с стороны церковной власти и не считал нужным даже просить у нее прощения и молитв».

Возможно, однако, что в отношениях царя и церкви не все обстояло именно так, как думал Макарий. Итальянский иезуит Антонио Поссевино, побывавший в Москве в начале 80-х годов XVI века, записал в своем сочинении «Московия», что у царя есть свой духовник, который его повсюду сопровождает. «Хотя государь каждый год исповедуется ему в грехах, однако не принимает больше причастия, так как по их законам не позволено вкушать тела Христова тому, кто женат более трех раз». Епитимии, очевидно, все же не остались только на бумаге.

Очевидно, к тому времени, когда царь обращался к собору со своей просьбой, у него уже была на примете новая невеста. Как отметил новгородский летописец, уже 31 мая новгородский архиепископ Леонид «пел молебны... за великую царицу Анну». Новая царица Анна Колтовская также была дочерью сына боярского из Коломенского уезда.

Одновременно с этими хлопотами царь энергично занимался устройством для себя резиденции в Новгороде. С этой целью царь «с миром» посетил Новгород в декабре 1571 года. Вместе с ним в город доставили его казну, размещенную в подклетах нескольких новгородских церквей; стеречь царские сундуки приставили 500 стрельцов. Царь вскоре уехал, а в феврале 1572 года в город была доставлена основная часть его казны на 450 возах. Снова царь приехал в Новгород 31 мая с новой женой и сыновьями, а также любимыми певчими. Вместе с царем прибыл и его двор, в среде которого, по-видимому, продолжались поиски изменников. Новгородский летописец отметил: «Того же лета царь православный многих своих детей боярских метал в Волхову-реку, с камением топил». В Новгороде царь провел два месяца, с тревогой ожидая известий с южной границы.

Именно в эти тревожные для царя дни принял свой окончательный вид сохранившийся черновик царского завешания. Как уже отмечалось выше, завешание это заметно отличалось от завешаний предшественников Ивана IV — московских великих князей. Те в своих завешаниях распоряжались судьбой собственных земель и казны, деля то и другое между наследниками. В отличие от них завешание царя Ивана IV не исчерпывалось подобными распоряжениями; им предшествует своеобразная исповедь царя, обращенная

к Богу, и его подробные наставления сыновьям. В этих своих частях завещание Ивана IV до сих пор не подвергалось внимательному анализу, нет и точного представления о том круге литературных текстов, которые царь использовал при его составлении. Все это заставляет ограничиться лишь некоторыми предварительными соображениями.

Для понимания того эмоционального состояния, в котором царь находился летом 1572 года, наибольший интерес представляют два мотива «исповеди» царя: покаяние в грехах и жалобы на людскую неблагодарность. На современного читателя не могут не произвести впечатления слова, с которыми всемогущий самодержец кается перед Богом в совершении самых жестоких и отвратительных поступков: «главу оскверних желанием и мнению неподобных дел, уста — разсуждением убийства, и блуда, и всякого злаго делания, язык — срамословия и сквернословия, и гнева, и ярости, и невоздержания, руце — осязания неподобно и грабления насытных»; и далее перечень едва ли не всех частей тела и совершаемых ими дурных действий. Однако следует учитывать, что слова покаяния адресовались не подданным и даже не сыновьям — будущим читателям завещания, а Богу, и должны рассматриваться в связи с характером отношений царя и Бога, как они сложились к тому времени. Голод и моровое поветрие, а в еще большей мере сожжение Москвы татарами — все это были очевидные знаки Божьего гнева. Бога можно умиловить покаянием, и царь готов был каяться. Однако между покаянными словами царя на страницах его завещания и словами покаяния, произносившимися царем в его молодые годы, в частности в речи на Стоглавом соборе, очевидно существенное различие. Тогда рядом с царем стоял его духовник Сильвестр, ясно указавший ему на те его прегрешения, которые привели к несчастьям для страны и за которые следовало просить прощения у Бога. Теперь рядом с царем не было ни Сильвестра, о котором он вспоминал с постоянным чувством раздражения, ни другого подобного ему человека, который осмелился бы наставлять царя. Иван IV должен был сам решать вопрос о своих отношениях с Богом. Текст завещания показывает, что царь ограничился формальным покаянием во всех возможных дурных мыслях, поступках и пороках, в том числе и в таких, которых он никак не мог совершить. При всем желании Иван IV, например, никак не мог уподобиться библейскому праотцу Рувиму, «осквернившему отче ложе». Такой характер покаяния ясно говорит о том, что, понимая необходимость каяться, в глубине души царь не считал себя на самом деле виновным в чем-либо конкретном. Весь этот перечень оказывался на деле всего лишь благочестивым примером смирения христианина, знающего, что, будучи смертным человеком, он подвержен любым порокам, присущим человеческой природе. К тому же признание своего глубокого несовершенства не мешало царю на последующих

страницах завешания выступать в роли авторитетного учителя и наставника своих сыновей.

Стоит отметить, что перечень присущих ему пороков самодержец заключал словами: «Но что убо сотворю, понеже Авраам не уведет нас, Исаак не разуме нас, Израиль не позна нас». Нетрудно увидеть, что царь если и совершил что-либо греховное, то потому, что окружающие не понимали его добрых намерений. Помимо роли носителя всевозможных пороков царь выступает и в другой роли, в роли бедной жертвы своих подданных. В завешании царь говорит о себе: «Изгнан есмь от бояр самоволства их ради, от своего достояния и скитаюся по странам». Эти слова заставляют вспомнить о желании царя найти себе убежище в Англии. Переговоры об этом, начатые в 1567 году, продолжались затем в течение ряда лет, и царь настойчиво требовал от английской королевы грамот, торжественно скрепленных подписями и присягами, которые гарантировали бы ему безопасное пребывание в этой стране.

Тема «правитель и подданные» прослеживается и в наставлениях царя сыновьям. Сыновья должны учиться не только «как людей держать и жаловати», но и «как от них беречися». Побуждая сыновей усердно учиться «ремеслу государя», собирать сведения о самых разных сторонах общественной жизни («а всякому делу навыйкайте... и священническому, и иноческому, и ратному, и судейскому»), царь пояснял, что, лишь обладая такими навыками и знаниями, они смогут «своими государствами владеть и людьми»: «Ино вам люди не указывают, вы станете людям указывать». Таким образом и на страницах завешания, как и в других своих сочинениях, Иван IV выступает идеологом сильной власти, решительно подчиняющей общество своему руководству.

Вместе с тем в тексте завешания обнаруживается ряд новых тем, необычных для более ранних произведений Ивана IV.

Так, Иван настойчиво советует сыновьям быть осторожными при установлении наказаний: «И вы б... опалы клали не вскоре, по разсуждению не яростию». Не ограничившись этими словами, царь снова возвращается к этой теме в конце своих наставлений: «Правду и равнение дайте рабам своим, послабляюще прощения»; «во всяких опалах и казнях, как где возможно, по разсуждению на милость претворяли»; «долготерпения ради от Господа милость примете». В подтверждение своих слов Иван IV даже процитировал слова византийского книжника VI века диакона Агапита: «Подобает убо царю три сия вещи имети, яко Богу не гневатися, и яко смертну не возноситися и долготерпеливу быти к согрешающим». Все это резко противоречило действиям царя в годы опричнины и может рассматриваться как косвенное осуждение им самим поступков, совершенных в предшествующие годы.

Исследователи давно обратили внимание на читающиеся в самом

начале завешания царя жалобы на людскую неблагодарность: «Ждах, иже со мною поскорбит и не бе, утешающих не обретох, воздаша ми злая во благая и ненависть за возлюбление мое». Следует согласиться с С. Б. Веселовским, что эти слова царя относятся не к «боярам», которых царь обвинял в «самовольстве», ссылал и казнил. «Воздаша злая во благая» окружавшие царя опричники: возвышенные и осыпанные милостями, они изменили и оказались замешаны в злоупотреблениях. Перед нами еще одно свидетельство разочарования царя в опричнине и опричниках.

В наставлении сыновьям заслуживает внимания еще один мотив — подчеркивание необходимости единства государства. «А докудова вас Бог не помилует, свободит от бед, — писал царь, обращаясь к сыновьям, — и вы ничем не разделяйтесь, и люди бы у вас заодин служили и казна бы у вас заодин была, ино то вам прибылняе». Есть основание видеть и в этих словах косвенное осуждение проведенного ранее самим царем разделения государства на две противостоящие друг другу части.

В завешании имеются и прямые высказывания об опричнине. В самом конце документа, уже после всех распоряжений о разделе земель между наследниками, читаем: «А что есми учинил опришнину, и то на воле детей моих Ивана и Федора, как им прибыльнее, так и учинят, а образец им учинен готов». То, что царь оставлял на усмотрение своих сыновей сохранение или упразднение после его смерти опричного режима, также говорит об определенном разочаровании царя в своем любимом детище.

31 июля в Новгород пришли «вести о царе крымском», которых Иван упорно дождался. Хан выступил в поход со всем крымским войском и Ногайской ордой. «И от Магмет-паши (великого везира султана Сулеймана, Мехмеда Соколовича. — Б.Ф.) великого двора мнози, — по свидетельству Курбского, — быша на помощь послани перекопскому цареви». По сообщению Штадена, планы татар заходили весьма далеко: «Города и уезды Русской земли все уже были расписаны и разделены между мурзами, бывшими при крымском царе». К этому сообщению Штадена исследователи иногда относятся с доверием, но, как представляется, в нем отразились лишь слухи, ходившие в русском обществе накануне и во время вторжения орды. Слухи эти получили свое выражение и в народной песне, записанной в 1619 году англичанином Ричардом Джемсом. В ней рассказывается, как на походе, в шатрах, поставленных на берегу Оки, крымские мурзы обсуждают, «а кому у нас сидеть в каменной Москве, а кому у нас в Володимере, а кому у нас сидеть в Суздале». Опасность была столь значительной, что заставила русских людей вспомнить о временах нашествия Батыя, но вряд ли правители Крыма могли ставить перед собой подобные цели: сил и средств в их руках было для этого явно недостаточно.

Для понимания реальных планов крымской знати гораздо больший интерес представляет другое сообщение Штадена — о том, что хан «дал своим купцам и многим другим грамоту, чтобы ездили они со своими товарами в Казань и Астрахань и торговали там беспошлинно». Если принять во внимание, что одновременно с походом Девлет-Гирея на Москву в Поволжье началось восстание против русской власти, то в достоверности этого свидетельства вряд ли можно сомневаться. Положение было очень серьезным. Поражение русской армии в войне с татарами могло привести к потере Поволжья, и Русское государство снова оказалось бы под угрозой нападения и с юга, и с востока, как в годы малолетства Ивана IV.

Подробный рассказ о войне, сохранившийся в тексте «Разрядных книг», позволяет нарисовать достоверную картину борьбы русского войска с пришедшим с юга противником. 27 июля хан с крымскими и ногайскими войсками появился на берегу Оки; начались столкновения на переправах: татары пытались перейти реку, русские войска им препятствовали. Наконец отрядам ногайцев удалось прорвать русскую линию обороны на участке сторожевого полка князя Ивана Петровича Шуйского у Сенькина брода через Оку. Ногайцы «детей боярских розогнали и розгромили и плетени ис подкопов выняли да перешли на сю сторону Оки-реки». Вслед за ногайскими отрядами переправился и Девлет-Гирей со всей ордой. Задержать орду на переправах не удалось, и татарская конница устремилась к Москве. Двинувшееся вслед за татарами русское войско догнало и остановило орду «у Воскресения на Молодах» в районе Пахры, в 45 верстах от Москвы.

30 июля началось жестокое сражение. На поле битвы русские войска сумели поставить «гуляй-город» — подвижную деревянную крепость на колесах, в которой разместились стрельцы и артиллерия, встречавшие огнем татарскую конницу. В поле билось с татарами дворянское ополчение. Во время одной из схваток суздалец сын боярский Темир Алалыкин сумел взять в плен одного из главных крымских полководцев Дивея-мурзу, главу рода Мангитов, занимавшего второе место на лестнице иерархии крымской знати.

Обе стороны понесли большие потери, и военные действия на время прервались. Два дня происходили лишь короткие стычки, но затем сражение возобновилось. 2 августа хан бросил свое войско «к гуляю городу выбивати Дивея мурзу». Начался штурм деревянной крепости: «и татаровя пришли к гуляю и изымались у города за стену руками и тут многих татар побили и руки поотсекли бесчисленно много». Перелом в сражении произошел благодаря удачному маневру Михаила Ивановича Воротынского, который с «большим полком» сумел обойти татар и ударить по ним с тыла. Одновременно «из гуляя города князь Дмитрий Хворостинин с стрельцы и с немцы вышел». Штурм гуляй-города не удался, в сражении погибли сыновья хана и

второго лица в ханстве — калги, «а многих мурз и тотар живых поимали». Ночью орда снялась с места и двинулась на юг к Оке, вслед за ней вернулась на Оку русская рать.

Образ действий татар в этом походе разительно отличался от их обычного поведения. Во время своих набегов на русские земли они стремились, как правило, как можно скорее захватить добычу и пленных, всячески уклоняясь от встречи с русскими войсками. Ожесточенный характер сражения при Молодях со всей очевидностью свидетельствует о том, что поход Девлет-Гирея не был обычным грабительским набегом, за ним стояли далеко идущие, крайне опасные для Русского государства планы. Участие в походе османских войск показывало, что за спиной Крыма стоит и подталкивает его к враждебным по отношению к России действиям Османская империя. Вскоре после битвы царь получил новые доказательства того, что дело обстояло именно так.

Еще в апреле 1571 года, пытаясь предотвратить обострение обстановки на юге, Иван IV отправил в Стамбул своего посланца Андрея Кузьминского. В грамоте говорилось, что царь, желая поддерживать дружбу и любовь с султаном, «показал братской любви знамя», разрешил турецким людям свободно посещать Астрахань и приказал снести поставленную в 1567 году по просьбе князя Темрюка крепость на Тереке, постройка которой вызвала недовольство в Бахчисарае и Стамбуле. Со своей стороны царь просил, чтобы султан приказал крымскому хану жить в мире с Россией. Сведения, собранные Кузьминским, оказались очень тревожными. В Астрахань и Казань были посланы с грамотами султана лазутчики, которые должны были призывать местных мурз и население восстать против русской власти. Ногайской орде из Стамбула обещали большое жалованье, если она захватит Астрахань и передаст ее султану. Ответная грамота султана, доставленная Кузьминским в Москву в декабре 1572 года, была по своему тону столь же грубой и вызывающей, как и грамота, присланная Девлет-Гиреем после сожжения Москвы: султан обещал Ивану IV свою дружбу, если тот передаст султану Астрахань, хану Девлет-Гирею — Казань, а сам согласится быть подручным у его «высокого порога». После битвы при Молодях о выполнении этих условий не могло быть и речи, но борьба против угрозы с юга становилась теперь одной из главных задач во внешней политике Ивана IV.

6 августа гонцы с известием о победе при Молодях прибыли в Новгород, и в новгородских храмах начались благодарственные молебны.

Честь победы приписывали не только храбрости и мужеству русской рати, но и чудесному заступничеству черниговских чудотворцев — казненного татарами в XIII веке князя-мученика Михаила Черниговского и разделившего его участь боярина Феодора. «Толикое отступников многочисленное воинство, — писал, обращаясь к

чудотворцам царь, — и злокозненное их ухищрение вашими святыми молитвами ни во что же положено». Тогда же царь решил перенести останки святых из Чернигова в Москву. В Чернигов от имени царя и собора духовенства во главе с митрополитом Антонием было отправлено послание, в котором святых просили «не яко властельски и заповедающе, но яко рабски и припадающе» согласиться на перенос их останков в столицу. Доставленные в Москву мощи нашли свое пристанище в храме, поставленном над Тайницкими воротами Кремля. В тропаре, написанном царем «на перенесение честных мощей», Иван выражал надежду, что заступничество черниговских чудотворцев избавит Русскую землю «от варварского нахождения и междоусобных брани». Ожидания эти не сбылись, но в конце 1572 года могло казаться, что они исполнятся. Наиболее опасный враг был разбит, и, вернувшись в Москву к концу августа 1572 года, царь отменил опричнину.

К сожалению, об этом очень важном событии в биографии царя Ивана и в истории России мы знаем совершенно недостаточно. Собиравший сведения о царствовании Ивана IV в конце XVI века ученый англичанин Джильс Флетчер отметил только, что опричнина просуществовала семь лет, то есть ее существование прекратилось в 1572 году. Гораздо более конкретно сообщение современника, служившего в опричнине Генриха Штадена. По его словам, после победы над татарами царь не только отменил опричнину, но и запретил даже упоминать о ней; нарушившего же запрет приказано было, обнажив до пояса, бить кнутом на торгу. Еще одно свидетельство, обнаруженное сравнительно недавно, принадлежит черныбыльскому старосте Филону Кмите. Правитель крепости, расположенной на границе с Россией, он регулярно сообщал литовскому гетману Миколаю Радзивиллу о том, что происходит в этом государстве. 3 ноября 1572 года он доносил, что «князь великий з землею своею умирил и опричнину зламал».

Достоверность всех этих сообщений подтверждается и данными других источников. С введением опричнины дьяки при составлении разрядов, делая записи о назначениях на должности или перечисляя приближенных, сопровождавших государя в походах, отмечали, кто из них из «земского», а кто «из опришнины». Со второй половины 1572 года такие пометки в тексте разрядов уже не встречаются. Обращение к материалам Новгородских писцовых книг показывает, что со второй половины 1572 года лица из опричного окружения царя начинают получать поместья в «земских» пятинах Новгородской земли.

Все это с достаточной уверенностью позволяет утверждать, что с осени 1572 года разделение государства на две противостоящие друг другу части перестало существовать. В истории России и в биографии царя Ивана IV начиналась новая глава.